

18+

Олеся Скороблева

**АПЕЛЬСИНОВЫЙ
ЗАКАТ НА БАЛТИЙСКОМ
ВЕТРУ**

Дом, который нас ждал

Олеся Скороблева
Апельсиновый
закат на Балтийском ветру.
Дом, который нас ждал

<https://litres.ru/73871761>

ISBN 9785006979161

Аннотация

Архитектор и реставратор спасают старый дом, а он спасает их, связав прошлое с будущим. Завалы, тайны прошлого и любовь, которая лечит раны.

Апельсиновый закат на Балтийском ветру Дом, который нас ждал

Олеся Скороблева

© Олеся Скороблева, 2026

ISBN 978-5-0069-7916-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Апельсиновый закат на Балтийском ветру

Глава первая:

Калининград. Октябрь. Ветер.

Марк вышел из такси и сразу поднял воротник пальто. Балтийский ветер был не холодным, а колючим, насыщенным солью и чужими историями. Он не любил такие места. Слишком много прошлого, слишком навязчиво проступающего сквозь современную штукатурку.

Вилла «Амаленау» на улице с неуклюжим русским назва-

нием выглядела, как старушка в вышитом платье на фоне панельных мускулистых соседей. Розовый кирпич, облупившаяся штукатурка, башенка с разбитым окном, похожим на подбитый глаз. Красиво. И абсолютно бесполезно.

«Снести», — мысленно поставил галочку Марк, открывая планшет.

Из-под арочных ворот вышла она. Не женщина, а порыв того самого ветра. Растрепанные темные волосы, выбившиеся из небрежного пучка. Облегающие джинсы в краске и потертых заплатках. И огромный, нелепый в своей теплотолерантности свитер.

— Марк? — голос был низким, немного хриловатым, как от долгого молчания. — Я Вера. От общества охраны памятников. Вам повезло, обычно я в этот час уже ворую кирпичи на черном рынке.

Он кивнул, оценивая шутку как неудачную попытку разрядить обстановку.

— Осмотрим? Мой график плотный.

— График, — повторила она, словно пробуя незнакомое слово на вкус. — Ну что ж, пойдемте по вашему графику,

архитектор.

Она открыла массивную дубовую дверь своим ключом. Скрип был таким душераздирающим, что Марк невольно улыбнулся. «Нужно заменить петли», — автоматически подумал он.

Внутри пахло сыростью, старым деревом и чем-то еще. Красками? Ладаном?

— Это бывшая гостиная, — сказала Вера, и в ее голосе внезапно исчезла ирония. Он стал мягким, почти интимным. — Посмотрите на потолок. Лепнина. Каждый листик — ручная работа. Здесь, видите, фигурка аиста? В Пруссии это был символ семейного счастья. Он пережил войну, советских переселенцев, девяностые... А ваш кран уничтожит его за десять минут.

Марк посмотрел на потолок. Да, аист. Глупая сентиментальная деталь.

— Люди покупают жилье не за аистов, Вера. За метраж, паркинг и вид из окна.

— Вид на что? На такой же безликий дом напротив? — она резко обернулась, и в ее серых глазах заплескались искры.

— Вы строите коробки для жизни по инструкции. А эти стены... они помнят, как здесь жили. Любили. Ждали. Боялись.

— Эмоции — ненадежный фундамент, — холодно отрезал Марк, проходя дальше, в полутемный коридор. — Бетон надежнее.

Она не ответила. Только сжала губы и махнула рукой: «Идите сюда. Тут интереснее».

«Интереснее» оказалось огромным залом с высоким эркером. Сквозь разбитые стекла лился скупой октябрьский свет, выхватывая из полумрака клубы пыли, висевшие в воздухе, как застывшие воспоминания. Марк подошел к стене, оценивая трещину.

— Конструктивный износ. Фундамент, вероятно, —

Он не договорил.

Раздался глухой, низкий стон, будто проснулось и потянулось само здание. Сверху, с чердака, посыпалась штукатурка. И тогда, прямо над Марком, с ужасающим, медленным скрежетом начала проседать тяжелая балка перекрытия, державшая потолок эркера.

Инстинкт сработал быстрее мысли. Он не побежал. Он рванулся к ней.

Не успев сообразить, он толкнул Веру в дальний, казавшийся прочным угол и накрыл ее собой, вжимаясь в холодный пол. Грохот был оглушительным. Комната погрузилась в полутьму, завешенную плотной пеленой известковой пыли.

Тишина. Горький вкус гипса на губах. И дикая, барабанная дробь сердца — его собственного — в ушах.

Потом он почувствовал под собой движение. И услышал ее голос, приглушенный, но на удивление спокойный, прямо у своего виска:

— Ваш бетон, говорите, надежнее?.. Кажется, наше знакомство будет дольше, чем вы планировали по своему графику, архитектор.

Марк откашлялся и приподнялся, опираясь на локти. Их лица были в сантиметрах друг от друга. В ее припыленных ресницах и широко открытых глазах он, наконец, разглядел не злость и не иронию. А любопытство. Живое, острое, человеческое любопытство.

*Снаружи завывал ветер. А внутри разрушенной виллы,

в луче света, пробившемся через новую дыру в крыше, тихо кружили тысячи золотых пылинок. Как будто само время решило остановиться и стать свидетелем.

Тишина после обрушения была не абсолютной. Она была наполнена звоном в ушах, отрывистым, тяжелым дыханием и мелким, непрекращающимся шорохом — где-то еще сыпалась штукатурка, оседала пыль. Луч света, пробившийся сквозь новую рану в крыше, был похож на прожектор на сцене, освещающий хаос из обломков дерева, кирпича и разорванных обоев.*

Марк медленно поднялся, ощущая каждой мышцей резкий толчок, которым он отбросил Веру. Его ладони были исцарапаны, левое колено горело. Он огляделся. Выход из зала был полностью перекрыт грудой палок и обломков стены. Воздух был густым и едким.

— Вы... в порядке? — Его голос прозвучал хрипло и неестественно громко в этой новой, маленькой вселенной.

Вера сидела, прижавшись спиной к стене в углу. Она не плакала и не истерила. Она просто сидела, обхватив руками колени, и смотрела на ту самую балку, что лежала теперь в полуметре от них, огромная, темная, усеянная ржавыми гвоздями. Если бы он замешкался на секунду...

— Спасибо, — сказала она тихо, не глядя на него. Ее слова были лишены иронии. Были плоскими, как доска. — Я в порядке. Кажется.

Марк кивнул, больше себе, чем ей, и потянулся к планшету, валявшемуся у ног. Экран был мертв, прочерчен паутиной трещин.

— Связи, ясное дело, нет, — констатировал он, отшвырнув дорогую игрушку в сторону. Злость подступала комом к горлу. Злость на себя, на эту развалину, на ветер, на неуместную шутку про аистов. — Сигнал не пройдет. Нас будут искать только когда я пропущу планерку. Через три часа.

— Три часа, — повторила Вера, наконец подняв на него взгляд. Ее лицо было в серых разводах пыли, и только по мокрым чистым дорожкам от глаз к вискам Марк понял, что она все-таки плакала. Молча. От шока и адреналина. — У вас есть вода в этом вашем графике, архитектор?

Он порылся во внутреннем кармане пиджака, смяв идеальную линию кроя, и достал маленькую плоскую фляжку из нержавеющей стали.

— Коньяк. Для согрева. Рабочая необходимость на стройках.

На ее губах дрогнуло что-то похожее на улыбку. Она взяла фляжку, открутила крышку, сделала маленький глоток и скривилась.

— Ужас. Но... работает. — Она протянула фляжку обратно.

Марк отказался жестом. Он начал методично, как робот, исследовать периметр их тюрьмы. Примерно четыре на пять метров. Высокий потолок в одной части и завал в другой. Воздух идет. Холодно, но не смертельно. Главное — нет признаков продолжения обрушения.

— Сидеть и ждать — оптимальная стратегия, — сказал он вслух, скорее для собственного успокоения. — Неосторожные движения могут вызвать новую осадку.

— Оптимальная стратегия, — тихо отозвалась Вера. Она вытащила из кармана свитера смятую пачку сигарет и дешевую зажигалку. — У вас есть что-нибудь против?

— Здесь дышать нечем, а вы...

— Я знаю. Это не для курения. Это для... ритуала.

Она потрясла зажигалкой. Маленькое пламя вырвалось наружу, отбрасывая гигантские, пляшущие тени их тел на стены, заставляя оживать лица ангелов в лепнине. Вера закурила, затянулась и немедленно закашлялась.

— Видите? Даже это не получается. Но пламя... оно живое. Оно напоминает.

Она поставила зажигалку на выступающий кирпич, как свечу. Дрожащий огонек стал новым центром их мира.

Марк сел напротив нее, спиной к холодной стене. Адреналин отступал, оставляя после себя ватную слабость в ногах и леденящее осознание: он заперт. Контроль утерян. Все его графики, планы, расчеты — превратились в пыль, смешавшуюся с известковой.

— Ваш аист, — вдруг сказал он, глядя на огонек. — Он цел.

Вера подняла голову, ее глаза блеснули в свете пламени.

— Правда?

Марк кивнул в темноту за лучом света.

— Там, в углу. Видите очертания? Он уцелел. Ирония судьбы.

— Не ирония, — она сделала еще одну затяжку, на этот раз более удачную. Дым, тяжелый и сизый, пополз вверх, в луч света. — Это знак. Дом защищает свои символы. Даже ценой... этого. — Она обвела рукой пространство.

— Дом — это кирпичи и балки. У него нет чувств.

— А у вас есть? — вопрос вылетел неожиданно резко. — Простите. Это нечестно. Вы только что, возможно, спасли мне жизнь. Но я смотрю на вас и вижу человека, который ненавидит это место. Который видит в нем только метраж и препятствие. Меня это... пугает. Почему вы хотите все снести и построить свое? Разве своего в мире мало?

Марк молчал. Он смотрел на ее руки. Худые, нервные пальцы с коротко остриженными ногтями, в краске и мелких царапинах. Руки, которые что-то создают. Его руки проектировали формы, но последний раз они что-то строили, чувствовали вес материала, лет десять назад, на студенческой практике.

— Я не ненавижу этот дом, — наконец сказал он, и его собственный голос показался ему чужим. — Я боюсь его.

Тишина сгустилась, вместив в себя это неожиданное признание. Даже Вера перестала курить, замерла.

— Боитесь? Почему?

— Потому что он настоящий, — выдохнул Марк. — У него шершавая фактура, кривые полы, дурацкие аисты. Его нельзя вписать в идеальную 3D-модель. В нем есть хаос. А я... я давно живу в мире, где хаос — это враг. Его вычисляють, изолируют и устраняют. Как трещину в фундаменте.

Он говорил и слышал, как звучат его слова. Как будто не он их произносил. Как будто обвал выбил из него какую-то пробку.

Вера потушила сигарету, аккуратно спрятав окурок в пустую пачку.

— А люди? — спросила она еще тише. — Людей тоже нельзя вписать в идеальную модель. Они все с кривыми полами и трещинами. Что вы с ними делаете? Изолируете и устраняете?

Это был удар ниже пояса. Прямо в незажившую рану его развода. В лицо, которое он построил из стекла и равноду-

шая, чтобы не видеть отражения собственной пустоты.

Он хотел ответить резко. Закрыться. Но усталость, шок и этот крошечный, живой огонек между ними сделали свое дело.

— Да, — честно признался он. — Какое-то время — да. Пока не понимаешь, что остаешься один в своей идеальной, бесшумной, стерильной коробке. И дышать нечем.

Он зажмурился. В глазах стояли пыль и что-то еще, от чего он отвернулся, делая вид, что смотрит на завал.

— Извините, — сказала Вера. И в ее голосе впервые появилась не защитная колючесть, а теплота. Сочувствие. — Меня понесло. Мы с домом, мы тут заодно. Оба ненужные, оба уцелевшие чудом.

— Вы не ненужные, — поправил он машинально. — Вы... аутентичные.

Она рассмеялась. Настоящим, легким смехом, который странно прозвучал среди руин.

— Боже, какой ужасный, архитектурный комплимент. «Аутентичная». Почти как «имеет историческую ценность».

Спасибо, я польщена.

Напряжение спало. Оно не исчезло, но превратилось в что-то общее, в совместное бремя, которое теперь можно было нести молча.

— Холодно, — сказала Вера через какое-то время, пожившись. Ее тонкий свитер не спасал от сырого холода, ползущего от стен.

Марк, не говоря ни слова, снял свой дорогой, испачканный пиджак и накинул ей на плечи. Она хотела было возразить, но он уже отвернулся, делая вид, что изучает кладку.

— Спасибо, — прошептала она, кутаясь в ткань, которая пахла не пылью, а древесными нотами его парфюма, дорогим мылом и чем-то другим, сугубо мужским, живым.

Они сидели так, плечом к плечу, у стены, смотря на маленькое пламя зажигалки. Луч солнца сместился, удлинив тени. Где-то далеко, сквозь толщу кирпича, доносился смутный гул города, но здесь, внутри, царил свой, отдельный ход времени. Медленный. Неспешный.

— Расскажите про него, — вдруг попросил Марк. — Про этот дом. Не про аистов. Про людей, которые здесь жили.

Вера удивилась. Потом ее лицо озарилось изнутри — тем самым живым огнем, который он увидел впервые.

— Хорошо, — сказала она. — Представьте: 1910 год. Здесь жил аптекарь, Густав Лейн. Он коллекционировал бабочек и играл на виолончели по вечерам. Его жена, Клара, вышивала эти самые аистов на скатертях. Они любили пить кофе в этой самой комнате, в эркере, и смотреть, как закат красит Балтийское море в цвет апельсина...

Она говорила, а Марк слушал. Закрыв глаза. И впервые за много лет не строил в воображении чертежи, а видел. Апельсиновый закат. Отблеск на виолончели. Тень пролетающей мимо окна бабочки.

И в этот момент, в темноте, среди обломков прошлого, его идеально выверенный мир дал первую, необратимую трещину. И сквозь нее, едва слышно, просочился свет. Теплый, живой, аутентичный.

Снаружи завывал балтийский ветер. Но им было уже не так холодно.

Глава вторая:

Их нашли быстрее, чем через три часа. Оказалось, Тамара, секретарша Марка в питерском офисе, заподозрила неладное, когда он не ответил на срочный звонок по поводу тендера. Она связалась с калининградскими подрядчиками. Те, зная адрес, подняли тревогу.

Первым, что услышал Марк сквозь дремоту, был далекий, приглушенный стук. Не по двери — по чему-то металлическому. Потом голоса.

— Эй! Там кто есть?

Вера вздрогнула и открыла глаза. Зажигалка давно потухла, луч света сместился и потускнел; в вилле стоял холодный, сизый полумрак предвечерья.

— Здесь! — крикнул Марк, сразу сорвавшись на кашель от пыли. — Мы здесь! В большом зале!

Работа закипела с другой стороны завала. Слышался скрежет инструменты, грубые команды, треск дерева. Марк встал, отряхиваясь. Его тело ныло в десятке новых мест. Он протянул руку Вере, чтобы помочь ей подняться. Она взяла ее, холодными пальцами, и поднялась, не отпуская его руку сразу, будто проверяя землю под ногами.

— Стандартная процедура, — сказал он, больше для самоуспокоения. — Расчистка завалов с безопасной зоны.

— Вы все со своими процедурами, — прошептала она, но беззлобно. Она все еще куталась в его пиджак.

Через сорок минут в стене из обломков появилось отвер-

стие, очерченное фарами снаружи. В проеме возникла силуэтная фигура в каске.

— Живы? Не ранены?

— Живы, — отозвался Марк, подходя к свету. Ослепляющему, резкому, чужому. — Нужна помощь? Здесь женщина.

— Сами вылезайте, проход узкий!

Марк пропустил Веру вперед. Она, сгорбившись, протиснулась в проем, и он последовал за ней, ощущая, как обломки цепляются за одежду. И вот они снова на холодном воздухе. Небо было свинцовым, накапывал мелкий, колючий дождь. Во дворе стояли две пожарные машины, «скорая» и несколько любопытных соседей за оградой.

Парамедик сразу направился к Вере, накидывая на ее плечи серебристое термоодеяло.

— Вы в шоке? Травмы есть? Шею, спину не беспокоит?

— Нет, все нормально, — бормотала она, но позволила усадить себя в раскрытые двери «скорой». Ее взгляд блуждал, цепляясь то за спасателей, то за зияющую дыру в стене виллы.

К Марку подошел человек в строгом черном пальто — местный представитель застройщика, Сергей.

— Марк Викторович, Боже мой, какие ужасы! Вы целы? Мы в таком ужасе! Это же форс-мажор чистой воды, мы за

свой счет, естественно...

— Я в порядке, Сергей, — отрезал Марк, чувствуя, как его профессиональная маска снова защелкивается на лице. — Никаких претензий. Произошел инцидент. Нужно усилить меры безопасности на объекте до начала работ.

— Работ? — переспросил Сергей, округляя глаза. — Вы же не про... снос?

Марк посмотрел на виллу. На то, как дождь стекает по розовому, обожженному временем кирпичу. На разбитое окно-глаз. Внутри, в темноте, все еще висел аист.

— Нет, — сказал он четко, удивляясь самому себе. — Не снос. Я принимаю другое решение. Объект будет отреставрирован.

Сергей замер, переваривая информацию. Его лицо выражало чистую, неподдельную панику. Реставрация — это в десять раз дороже, дольше и головной боли в сто раз больше.

— Но... бизнес-план... инвесторы...

— Я согласую с инвесторами отдельно. Пока что работы приостанавливаются. И найдите мне лучшую команду реставраторов в области. — Марк повернулся к «скорой», где Вера уже отказывалась от капельницы. — И контакт этого... исторического общества. Той женщины, которая была со мной.

Час спустя Марк сидел в своем номере в безликой гостинице «у моря» (море было не видно, только парковка).

Он принял душ, смывая с себя пыль столетия, и теперь пил крепкий кофе из пластикового стаканчика, глядя на планшет. На экране — первоначальная смета на снос. Рядом — чистый лист. Он назвал файл «Вилла Амаленау. Реставрация. Предварительные соображения».

Он не понимал, что делает. Это было экономическое безумие. Эмоциональная авантюра. Но мысль о том, чтобы отдать приказ о сносе, вызвала у него физическое отвращение. Как будто он должен был приказать расстрелять того самого аиста.

В телефон зазвонил неизвестный номер. Калининград.

— Алло?

— Это Вера. — Ее голос звучал ближе, обыденнее, без эха руин. — Вы дали мой номер своему менеджеру. Он сказал... что вы передумали.

— Да.

— Почему?

Прямой, как балка, вопрос. Марк покрутил в пальцах ручку.

— Потому что стратегия «сидеть и ждать» в данном случае неоптимальна. Потому что дом имеет потенциал. И потому что... — он запнулся, искажая правду в удобную полуложь, — ...это теперь вопрос принципа. Я не люблю, когда мои планы рушатся буквально на голову.

На том конце провода повисла пауза. Потом тихий смешок.

— Принцип. Ну что ж, сэр, это основательно звучит. Значит, вы будете восстанавливать?

— Да. Мне понадобится консультант. Кто-то, кто знает историю дома и... местные особенности. Это будет оплачиваемая работа.

— Вы предлагаете это мне?

— Вы кажется, единственный человек в городе, который знает, как звали кота аптекаря Лейна.

Она снова помолчала.

— Фриц. Кота звали Фриц. Он ловил мышей в подвале и боялся виолончели. — Она вздохнула. — Хорошо. Я согласна. Но на моих условиях.

— Каких?

— Во-первых, никаких спешек. Реставрация — это не стройка. Это медитация. Во-вторых, мы стараемся сохранить максимум оригинальных материалов. Не «похоже», а «то самое». В-третьих... вы слушаете меня. Хотя бы иногда.

Марк почувствовал, как в уголке его губ дрогнула непрощенная улыбка.

— Условия приняты. Завтра в десять на объекте? Составим план.

— Договорились. И, Марк...

— Да?

— Спасибо. За пиджак. И за... ну, вы знаете.

Она положила трубку.

На следующее утро небо расчистилось, и редкое октябрьское солнце золотило красную черепицу крыш. Марк пришел раньше. Завал у входа уже частично расчистили, поставили временные подпорки. Он вошел внутрь. Теперь, при дневном свете, разрушения выглядели не так готично-зловеще, а просто печально. Как болезнь.

Он подошел к тому месту, где они сидели. Поднял с пола пустую, смятую пачку ее сигарет. Засунул в карман.

— Искали вещественные доказательства? — раздался голос с порога.

Вера стояла в дверях, залитая светом сзади. На ней были те же потертые джинсы, но свитер сменился на практичную темную толстовку. В руках — папка и огромная термокружка.

— Инвентаризация, — парировал Марк. — Вы пунктуальны.

— Это мой основной недостаток. — Она вошла, деловито оглядываясь. — Итак, с чего начнем, принципиальный архитектор? С аиста или с дыры в крыше?

— С фундамента. Все начинается с фундамента.

— Мудро, — кивнула она, открывая папку. — У меня тут

кое-что есть. Старые страховые планы из городского архива. 1923 год. — Она разложила пожелтевшие копии чертежей на уцелевшем подоконнике. — Смотрите. Здесь была не просто вилла. Здесь была небольшая домашняя лаборатория. Лейн экспериментировал с бальзамами. Видите эту пристройку? Ее разбомбили в сорок четвертом и потом заложили кирпичом.

Марк склонился над чертежами. Они были прекрасны. Каллиграфический почерк, тушь, акварельная подкраска рельефа. Это была не графика, а почти что любовное письмо дому.

— Лаборатория... — пробормотал он. — Интересно. Это меняет планировку. Можно не просто восстановить, а обыграть эту историю. Сделать стеклянный объем на месте пристройки, как воспоминание...

— Стекло? — насторожилась Вера. — Здесь нужен кирпич. Тот самый, розовый.

— Компромисс, — сказал Марк, и его взгляд встретился с ее взглядом. — Я слушаю вас. Вы слушаете меня. Мы находим решение, которое уважает прошлое, но не застревает в нем.

Она изучала его лицо, ища подвохов. Потом медленно кивнула.

— Компромисс. Ладно. Давайте попробуем.

Они проработали два часа. Марк делал наброски в своем

планшете, Вера комментировала, спорила, иногда восклицала: «Нет, вы что, это же гениально!» — когда он предлагал неожиданное, но бережное решение для старой лестницы. Они пили кофе из ее термоса (горький, крепкий, с корицей) и ели принесенные ею плюшки с брусникой.

Это было непохоже ни на одну рабочую встречу в жизни Марка. Не было протокола, тайм-менеджмента, строгой иерархии. Был диалог. Хаотичный, живой, творческий. И он поймал себя на том, что впервые за долгие годы не смотрит на часы.

Когда они вышли, чтобы осмотреть дом снаружи, ветер с моря снова потянулся за ними, но теперь он казался просто ветром, а не метафорой.

— Так, — сказала Вера, закуривая на крыльце. — Первый этап: укрепление, консервация, составление детальной описи. Мне понадобится доступ в архив и, возможно, помощь студентов-историков.

— Организую, — коротко сказал Марк, записывая.

— А вы? — спросила она, выпуская струйку дыма. — Вы останетесь тут? Или будете управлять из Питера, по видеосвязи?

Вопрос застал его врасплох. План, конечно, предполагал возвращение в офис. Десятки проектов, встречи, привычная жизнь в идеальной стеклянной коробке с видом на Неву.

— Я... останусь на какое-то время, — сказал он, и решение созрело в ту же секунду, как яблоко, падающее на землю. — Первый этап самый критичный. Нужен личный контроль.

Вера кивнула, как будто ожидала именно этого ответа.

— Тогда вам нужно нормальное жилье. Гостиница у моря — это унылое место для командировочных. Я знаю один пансион у Верхнего пруда. Там тихо, и хозяйка печет потрясающий штоллен.

— Штоллен? — переспросил Марк.

— Рождественский пирог. Но Ирина Петровна печет его круглый год. Говорит, жизнь и так коротка, чтобы ждать праздника.

Они шли по осыпающейся брусчатке двора к своим машинам — его арендованной черной иномарке и ее выдавшей виды «Скорпионе» рыжего цвета.

— Вера, — окликнул он ее, когда она уже открывала дверь. — Вчера... вы рассказали про аптекаря и его жену. Это правда или... поэтическое преувеличение?

Она обернулась. Солнце поймало рыжие искры в ее темных волосах.

— Все правда, — сказала она просто. — У меня есть их фотография. Потом покажу. Клара действительно вышивала аистов.

Она села в машину и уехала, оставив Марка стоять посреди двора с папкой чертежей в руках и странным, новым чувством в груди. Это было не волнение от нового проекта. Это

было что-то глубже. Что-то вроде тихого узнавания.

Он посмотрел на виллу. На дыру в крыше. И представил, как сквозь будущую стеклянную пристройку будет литься свет, падая на новый, крепкий пол. И, может быть, однажды в этом свете будет сидеть кто-то и смотреть на апельсиновый закат над Балтикой.

*Он достал из кармана смятую пачку сигарет, посмотрел на нее и, не закуривая, аккуратно положил в папку с чертежами. Как закладку. На новом месте.

Мысль о пансионе у Верхнего пруда казалась настолько же абсурдной, насколько и заманчивой. Марк привык к автономности отелей, где никто не ждет твоего возвращения, не спрашивает, как дела. Но что-то в фразе «круглогодичный штоллен» засело у него в голове, как щепка.*

Он сдал номер в безликой гостинице, даже не распаковав чемодан до конца. Пансион «У Ирины» оказался не домом, а скорее продолжением сада: деревянный, резной, с синими ставнями и дымком из трубы, пахнущим яблоней. Сама Ирина Петровна, женщина с седыми, убранными в тугую косу волосами и пронзительными голубыми глазами, осмотрела его с ног до головы, будто оценивая черенок для прививки.

— Вера звонила. Говорит, вы наш дом спасаете, — про-

изнесла она, ведя его по скрипучим, но безупречно чистым половикам. — Значит, вы не чужой. Комната наверху, с видом на воду. Завтрак включен. Ужин — по договоренности. Домофон — это я. Правила простые: не шуметь после одиннадцати, обувь снимать в прихожей, а если что-то сломал — скажи, вместе починим.

Она отворила дверь. Комната была маленькой, но в ней было солнце. Оно падало на деревянный пол, белую вышитую скатерть на столе и огромную герань на подоконнике. Никакого мини-бара, сейфа или бесшумного кондиционера. Было тихо, и пахло деревом, воском и той самой яблоней.

— Спасибо, — сказал Марк, и эти слова прозвучали неформально, по-настоящему.

— Ужин в семь, — кивнула Ирина Петровна и удалилась.

Марк поставил чемодан, сел на край кровати и потянулся к планшету. Он открыл рабочий чат. Десяток непрочитанных сообщений от коллег, вопросы по питерским проектам, напоминание о встрече акционеров через неделю. Его мир, отлаженный и требовательный, настойчиво стучался в дверь.

Он набрал сообщение своему заместителю, Ане: «Уезжаю в нестандартную командировку на объекте в Калининграде. Связь ограничена. Все текущие вопросы — на тебе, срочные

— звонок. Докладывай раз в два дня». Отправил. И выключил планшет. Шаг, граничащий с профессиональным самоубийством.

В шесть тридцать он спустился вниз. На кухне пахло так, что у него свело живот от голода, — тушеной капустой, чем-то мясным и корицей. Ирина Петровна, не оборачиваясь, махнула ложкой:

— Садись, сейчас. Вера придет, она у меня сегодня на ужине дежурит.

— Дежурит?

— Помогает. А то я одна, а вас, голодных ртов, полно. Она у меня картошку чистить мастер.

Как по расписанию, в семь ровно раздался стук в дверь, и вошла Вера. Она была в старых трениках и огромном свитере, мокро по подолу.

— Дождь начался, — бросила она в пространство, скидывая промокшие кроссовки. — Привет, Марк. Ну как, поселили тебя?

— Поселили, — кивнул он.

— Отлично. Дай полотенце, Ирина, я волосы промочила.

Ужин был не едой, а событием. За столом, кроме них и хозяйки, оказался еще старик-сосед, Николай Петрович, бывший капитан, и молчаливая студентка-архитекторка из Польши, стажировавшаяся в городе. Говорили обо всем: о

том, как ловится рыба в пруду, о новой глупой городской скульптуре, о том, почему кирпич в старых виллах такой теплый на вид.

Марк больше молчал, слушая. Он наблюдал за Верой. Здесь, на кухне, она была другой. Мягче. Она смеялась, дразнила капитана, ловко орудуя ножом, показывала студентке на салфетке, как устроены стропила в готической крыше. Она была в своей стихии — среди людей, среди жизни, которая течет не по графику, а по внутреннему, невидимому расписанию тепла и общения.

После ужина, когда гости разошлись, а Ирина Петровна ушла смотреть сериал, они остались вдвоем за столом, заваленным тарелками.

— Помогать будешь? — Вера подняла на него взгляд, подмигнув. — Правила пансиона: кто ужинает, тот и моет.

— Стандартная процедура, — согласился Марк, вставая.

Они мыли посуду молча, в слаженном, не требующем слов ритме: она смывала остатки еды, он намыливал губку, она ополаскивала, он вытирал. Через окно над раковиной был виден черный сад и огонек другого дома вдали.

— Ты так и не ответил по-настоящему, — вдруг сказала Вера, не глядя на него, оттирая пригоревшую кастрюлю. — Почему передумал?

Марк замер с тарелкой в руках. Придуманные на ходу

причины («принцип», «потенциал») здесь, на этой кухне, рассыпались в пыль.

— Потому что в той дыре, под завалом... — он говорил медленно, подбирая слова, как осторожные шаги по тонкому льду, — ...мне не было скучно.

Она перестала тереть кастрюлю.

— И это достаточная причина, чтобы вложить миллионы и поломать себе карьеру?

— Это первая причина за долгое время, которая не касается денег, престижа или логики, — признался он. — И она пугает больше, чем любой финансовый риск.

Вера повернулась к нему, облокотившись о столешницу. Ее лицо было серьезным.

— Я знаю это чувство. Когда перестаешь понимать, зачем делаешь то, что делаешь. Просто идешь по рельсам, потому что они проложены. А потом бац — и обвал. И ты сидишь в темноте, и рельсы кончились.

— Да, — выдохнул Марк. — Именно так.

— И что ты увидел, когда свет погас? — спросила она тихо.

Он посмотрел на ее руки, на тонкие запястья, выступающие из рукавов свитера. На капельку воды, скатившуюся с ее пальца на пол.

— Я увидел, что кроме рельсов... есть еще пыль. Она кружится в луче света. И она прекрасна. — Он произнес это и почувствовал дичайшую нелепость своих слов. Но они были

правдой.

Вера смотрела на него долго. Потом уголки ее губ дрогнули.

— Пыль, говоришь? Это даже хуже, чем «аутентично». Архитектор, вы романтик. Хорошо скрываете.

Она отвернулась, чтобы сполоснуть кастрюлю, но он увидел, как по ее щеке пробежала тень улыбки.

— Завтра, — сказала она уже деловым тоном, вытирая руки. — В восемь утра у виллы. Привезу студентов, будем делать обмеры и фотофиксацию. Будет шумно и грязно. Готовься.

— Я всегда готов.

— Вот и посмотрим, — она повесила полотенце на крючок и потянулась за курткой. — Спокойной ночи, Марк.

— Вера, — он остановил ее у двери. — Спасибо. За... все.

— Не за что. Я тоже не хочу, чтобы дом снесли. И мне платят. И... — она запнулась, — мне тоже не было скучно. В темноте.

И она скрылась в дверном проеме, растворившись в сырой ночи.

Марк вернулся в свою комнату. Включил планшет. Мигали десяток новых уведомлений. Он открыл их, но взгляд его упорно соскальзывал на окно, на черный прямоугольник ночи, за которым шумел дождь по крыше пансиона и спал старый сад.

Он закрыл все вкладки. Открыл чистый лист. И начал рисовать от руки. Не чертеж. Эскиз. Тот самый эркер, луч света, контуры двух фигур в углу. Он не умел рисовать людей, поэтому изобразил их схематично, двумя силуэтами. И сотнями мелких точек вокруг — пыль, застывшая во времени.

Потом он сохранил файл под именем «Начало. Эскиз 1» и лег спать. Впервые за многие месяцы — без таблетки от бессонницы. И под шум дождя, пахнущего яблоней и морем, он уснул почти сразу, с легким, почти забытым чувством ожидания завтрашнего дня.

Глава третья:

Ровно в восемь утра Марк подъехал к вилле. Двор, еще вчера пустынный, теперь напоминал муравейник. Парковались разномастные машины, слышался смех, звонкие молодые голоса перекрикивали шум бензогенератора. Группа студентов — историки в очках и практичного вида ребята-реставраторы в заляпанных краской штанах — уже разгружали оборудование.

Вера, стоя на крыльце в ярко-желтой дождевике поверх все того же огромного свитера, что-то энергично объясняла, размахивая рулеткой. Увидев Марка, она сделала ему едва заметный знак «подожди» и продолжила.

«...Итак, принцип „не навреди“ — наш главный закон. Мы не герои-спасатели. Мы — археологи, терапевты и детективы в одном лице. Каждый гвоздь, каждый скол краски — это улика. Фотим всё. Записываем всё. Вопросы?»

Вопросов не было. Студенты смотрели на нее с обожанием, смешанным с легким страхом. Марк наблюдал, прислонившись к своей машине. Она была идеальным лидером для такого дела. Не начальником, а проводником.

Когда группа рассыпалась по объекту, она подошла к нему.

— Ну, архитектор, встречайте нашу команду. Лучшие руки и пытливые умы города. Они будут делать черновую работу, а мы с тобой — головоломку собирать.

— Ясно. С чего начинаем систематизацию?

— С самого интересного, — глаза ее блеснули. — С того, что мы вчера нашли, когда ты уехал. Пойдем.

Она повела его не в главный зал, а в сторону той самой заложенной кирпичом пристройки — бывшей лаборатории аптекаря Лейна. В углу, где отвалился кусок штукатурки, обнажив слой более старого кирпича, стояла на коленях девушка-студентка и аккуратно счищала раствор маленькой кисточкой.

— Катя, покажи, что там.

Девушка отодвинулась. В нише, за слоем глины и мусора, виднелось что-то металлическое. Катя осторожно просунула пинцет и извлекла небольшой, почерневший от времени цилиндр с резьбой.

— Похоже на колбу от реторты, — сказала Вера, беря находку в ладонь, как драгоценность. — Или от чего-то похожего. Лабораторная посуда.

— Значит, чертежи верны, — Марк присел на корточки, рассматривая нишу. — Лаборатория была здесь. Это меняет расстановку несущих. Нам нужно сканировать эту стену, понять, что еще внутри.

— Уже договорилась с ребятами из политеха, — кивнула Вера. — Завтра привезут георадар. Но это еще не всё. Катя, дай ему то, что в пакете.

Студентка протянула Марку прозрачный архивный пакет. Внутри лежала пожелтевшая, истрёпанная по краям фотография. На ней — мужчина в очках и высоком воротничке, женщина в светлом платье с высокой талией, и между ними, на стуле, — девочка лет пяти с огромным бантом в волосах. Они стояли как раз на фоне этого эркера. На подоконнике видна была виолончель.

— Семья Лейн, — тихо сказала Вера. — Нашлась в архиве. 1912 год. Девочку звали Эльза.

Марк смотрел на фотографию. На счастливые, чуть напряженные от вспышки магия лица. На девочку, кото-

рой, возможно, пришлось бежать отсюда через тридцать лет, оставив всё. Его рука, держащая пакет, казалось, чувствовала холод того времени.

— Они реальные, — прошептал он.

— Всегда реальные, — отозвалась Вера. — Мы просто забываем. Давай, повесим её в бытовке. Чтобы помнить, для кого стараемся.

Рабочий день закрутился с невероятной скоростью. Марк, привыкший к тишине кабинетов и монотонному гулу серверов, окунулся в какофонию звуков: стук молотков, скрежет пил, смех, споры, музыку из колонки. Он пытался навести порядок, составить таблицы, графики работ, но реальность виллы смешивала все планы. То находили замурованную дверь, то обнаруживали, что палка, которую считали прочной, изнутри прогнила.

В полдень Ирина Петровна привезла целый багажник еды: огромный кастрюль супа, домашние пирожки, термосы с чаем. Устроили импровизированный обед на расчищенном крыльце. Марк, привыкший к бизнес-ланчам и сэндвичам за компьютером, ел дымящийся борщ из пластиковой тарелки, сидя на ящике с инструментами, и слушал, как студенты спорят о том, была ли Канта женат.

Вера сидела рядом, доедая пирожок с вишней. На щеке у

нее было пятно сажи.

— Ну что, твой инженерный разум еще не взорвался от такого хаоса? — спросила она, подмигивая.

— Есть определенные... отклонения от регламента, — с серьезным видом согласился Марк. — Но КПД, кажется, высокий.

— КПД, — фыркнула она. — Главный КПД сегодня — это то, что Катя не сломала находку, а Саша наконец-то научился отличать оригинальный кирпич от советского. Это прогресс.

— А что с палкой в восточном углу? — перешел он к делу. — Она не подлежит восстановлению. Нужно менять.

— Менять, — вздохнула Вера. — Но не на новую сосну. Нужно искать такую же, столетнюю, выдержанную. Чтобы она «дышала» в одном ритме с домом.

— Это невозможно. Нет времени искать идеальную столетнюю палку.

— Тогда мы ее изготовим, — сказала она просто. — Я знаю двоих братьев-столяров в области. Они работают по старинным технологиям, топят печь по-черному. Дерево получится живое. Но дорого и долго.

Марк посмотрел на нее. На ее упрямый подбородок. Он мог приказать. Найти стандартное решение, сэкономить месяц и полмиллиона. Но он видел фотографию семьи Лейн, приколотую к доске в бытовке. Видел аиста на потолке.

— Дай их контакты, — сказал он. — Я с ними переговорю.

Удивление мелькнуло в ее глазах, сменившись чем-то теплым, почти благодарным.

— Спасибо.

— Не за что. Это логично. Новая галка даст усадку, испортит геометрию пола. Рисковать нельзя.

— Конечно, — она улыбнулась, явно видя сквозь его логику. — Чисто логическое решение.

К концу дня все валились с ног, но на лицах студентов было удовлетворение. Они нанесли на план первый этаж, нашли еще несколько артефактов (пуговицу, сломанную курительную трубку), укрепили самые опасные участки.

Когда все разъехались и во дворе остались только они двое в предвечерней тишине, Вера села на ступеньки крыльца и закурила.

— Ну, первый день. Ты еще не сбежал обратно в Питер.

— Обязательства, — сухо ответил Марк, садясь рядом, на почтительном расстоянии.

— Да, да, принципы, — она выпустила дым. — Сегодня ты был... хорош. Не мешал. Слушал. Для архитектора-звезды это достижение.

— Я не звезда. Я специалист.

— Специалист, который согласился на столетнюю галку, — она повернулась к нему. Лицо ее в сумерках было серьезным. — Зачем ты это делаешь на самом деле, Марк?

Он молчал, глядя на виллу. Окна, затянутые пленкой, от-

ражали розовое закатное небо.

— Потому что когда я смотрю на эти стены, я наконец-то понимаю, что я строю. Не абстрактные «метры жилья». А продолжение. Чью-то историю. Это... сложно, но честно.

— А свою историю? — спросила она еще тише. — Ее продолжать не хочется?

Он резко встал, словно обжегшись.

— Моя история неинтересна. И не имеет отношения к дому.

— Все имеет отношение, — она не стала настаивать. Просто потушила окурок. — Ладно. Не буду копать. Завтра георадар. Будем смотреть, что скрывает наша стена. Интрига.

— Хорошо. — Он уже собирался идти к машине, но остановился. — Вера.

— М?

— У тебя... сажа. На щеке.

Она провела по щеке пыльной стороной ладони, только размазав черное пятно.

— Где? Вот здесь?

— Нет, ниже. Давай я.

Он сделал невольный шаг к ней, достал из внутреннего кармана пиджака (нового, такого же, как испачканный в завале) чистый, отглаженный носовой платок. Не думая, легким движением коснулся ее кожи, стирая пятно.

Они оба замерли. Он чувствовал тепло ее щеки сквозь тонкую ткань. Она чувствовала аккуратность, почти неж-

ность его прикосновения. Тишина вокруг сгустилась, наполнившись не проговариваемым напряжением. Где-то прокричала чайка.

— Вот... все, — хрипло произнес Марк, отводя руку.

— Спасибо, — она не отвела взгляда. Ее серые глаза в сумерках казались почти черными. — Ты тоже весь в пыли. Архитектор будущего.

Она встала, отряхнулась.

— До завтра, Марк. Не перерабатывай.

Она ушла к своему «Скорпиону», оставив его стоять с платком в руке, на котором осталось маленькое, смуглое пятно сажи.

Вечером в пансионе Марк не мог сосредоточиться на отчетах. Он вышел в сад. Ночь была тихой, безветренной. Он смотрел на звезды, которых в Питере почти не видно. В кармане пальто лежал тот самый носовой платок. Он не стал его стирать.

Звонок планшета вырвал его из раздумий. Это была Аня, его заместительница. На экране ее лицо выражало легкую панику.

— Марк, привет. Ты как там, в своем заповеднике? Тут дело... по проекту «Аквариум» в Москве. Инвесторы хотят встречи лично с тобой. В понедельник. Я пыталась отшить, но они настаивают.

Понедельник. Через три дня.

— Перенести нельзя?

— Рискованно. Контракт на стадии подписания. Если ты не приедешь, могут заподозрить, что ты теряешь интерес. Или, что хуже, контроль.

Марк закусил губу. «Аквариум» — его лебединая песня в Питере. Небоскреб со сплошным остеклением, проект, который должен был поставить точку в его карьере как вундеркинда. И убедительно доказать, что он полностью оправился после развода и не потерял хватку.

— Хорошо, — сказал он. — Купи мне билет на воскресенье вечером. Обратно... на среду.

— Обратно? — Аня не поняла.

— Да. В Калининград.

На другом конце провода повисло молчание.

— Марк, что там происходит? Ты в порядке?

— Все в порядке, Аня. Просто здесь... требуется мое присутствие. Направь мне все материалы по «Аквариуму». Я буду в курсе.

Он закончил разговор и, обреченно вздохнув, поднял глаза на виллу, темный силуэт которой угадывался вдали за деревьями. Он едва начал что-то здесь. И ему уже нужно было уезжать. Возвращаться в свой старый, отлаженный мир, где не было запаха старого дерева, пятен сажи на щеках и вопросов, от которых сжималось сердце.

Он потрогал платок в кармане. Первый камень в фундаменте нового, непонятного, пугающего чувства был заложен.

И Марк с удивлением понял, что боится не поездки в Питер.

Он боялся того, что может измениться здесь, без него. Или, что еще страшнее, — не измениться ничего, и он вернется, чтобы обнаружить, что этот промежуток, этот странный сон, был всего лишь красивой аберрацией.

Утро перед отъездом выдалось холодным и прозрачным, как стекло. Марк приехал на виллу раньше всех. Георадар уже стоял во дворе — странный аппарат на колесиках, похожий на детскую машинку с антенной. Рядом с ним курили двое техников в комбинезонах.

Внутри было пусто и тихо. Луч утреннего солнца, все тот же, что и в день обвала, но теперь чистый, без пыли, лежал на отскобленном до досок полу. Марк прошелся по залам, которые за неделю стали узнаваемыми. Вот место, где нашли колбу. Вот трещина, которую уже укрепили стальными скобами, аккуратно вписанными в старую кладку. Вот стена лаборатории, готовая к сканированию.

Он остановился у приколотой фотографии семьи Лейн. Девочка Эльза смотрела на него с выцветшего снимка. Куда ты бежала? Что взяла с собой? — подумал он неожиданно. Раньше его интересовали только нагрузки на квадратный метр. Теперь ему было интересно, какую игрушку она успела схватить, покидая этот дом навсегда.

Сзади раздались шаги. Он узнал их ритм, даже не оборачиваясь.

— Ранняя пташка, — сказала Вера. Она несла две огромные картонные чашки с кофе. Протянула одну ему. — Без сахара, с корицей. На глазок.

— Спасибо, — он принял чашку. Их пальцы ненадолго соприкоснулись. — Ты всегда так рано?

— Когда ждешь открытия, спится плохо. Как в детстве перед поездкой. Сегодня мы заглянем внутрь стены.

Она поставила свою чашку на ящик и подошла к георадару, погладила его, как верного пса.

— Ну, красавец, покажи нам, что ты умеешь.

Работа началась. Техники методично, сантиметр за сантиметром, стали прокатывать аппарат вдоль стены. На экране ноутбука возникали странные, сюрреалистичные изображения — слоистая структура кладки, пустоты, неоднородности. Марк, забыв про кофе, следил за процессом, мысленно накладывая картинку на свои чертежи.

— Стой! — вдруг сказала Вера, присев к экрану. — Что это? Видишь? Прямоугольная аномалия. За кирпичной перегородкой.

Техник приблизил изображение. Действительно, на глубине около полуметра за более поздней кладкой четко читался прямоугольный контур. Не природный. Рукотворный.

— Ниша, — выдохнул Марк. — Или тайник.

Взгляды их встретились. В ее глазах горел тот самый азарт первооткрывателя.

— Точно по описанию в дневнике Лейна! — она почти прошептала. — Он писал, что устроил «сейф для рецептов от сумасшествия мира». Я думала, это метафора.

— Где этот дневник? — резко спросил Марк.

— В архиве, копия. Оригинал пропал в войну. Там... там были странные записи. Не только про бальзамы. Про «тихий ужас обыденности» и «эликсир забвения».

Решение созрело мгновенно.

— Нам нужно вскрывать, — сказал он. — Аккуратно. Сейчас.

Вера на секунду заколебалась.

— Это риск. Может быть конструктивным элементом...

— Посмотри на скан. Это отдельная камера. Она не несет нагрузку. Мы можем сделать небольшой шурф снизу. Если что, сразу прекратим.

Она видела его уверенность. Профессионализм, лишенный теперь холодности, а заряженный тем же любопытством, что и у нее.

— Хорошо. Но я сама. У меня руки... помнят.

В следующие полчаса Марк наблюдал за тем, как она работает. Это было искусство. Она не рубила, не долбила. Она, как хирург, скальпелем вынимала старый раствор между кирпичами поздней кладки. Каждый кирпич она нумеровала, чтобы потом вернуть на место. Пальцы ее двигались

быстро и безошибочно. Техники и подошедшие студенты образовали почти благоговейный круг.

И вот, когда был снят последний кирпич, открылось черное квадратное отверстие. Запахло затхлостью, смешанной с запахом металла и... ладана? Вера надела фонарик на голову и осторожно заглянула внутрь.

— Боже... — вывалось у нее.

— Что там?

Она медленно, двумя руками, извлекла предмет. Это был небольшой железный ящик, покрытый толстым слоем ржавчины и пыли. На крышке — вычеканенная надпись на готическом немецком: «Gegen die Stille» — «Против тишины».

Все замерли. Камера на телефоне у одного из студентов щелкала. Вера поставила ящик на подготовленный стол, застеленный мягкой тканью.

— Открываем? — спросила она, глядя на Марка. Вопрос был ритуальным. Это была их общая находка.

Он кивнул.

Крышка не поддавалась. Ржавчина склеила ее намертво. Пока техник искал проникающую смазку, Марк не отрывал взгляда от ящика. В этой железной коробке лежало что-то, что аптекарь счел нужным спрятать от мира. От войны. От времени.

Смазка подействовала. Вера аккуратно ввела тонкий металлический ломик в щель. Раздался скрежет, и крышка поддалась.

Внутри, на обтрепанной бархатной подкладке, лежало несколько предметов. Не золото и не драгоценности.

Несколько стеклянных ампул с темной, загустевшей жидкостью. Этикетки на латыни стерлись.

Тонкая тетрадь в кожаном переплете.

И миниатюрный, потускневший серебряный медальон.

Вера первой взяла тетрадь. Развернула ее с невероятной осторожностью. Страницы были исписаны тем же каллиграфическим почерком, что и в дневнике.

— Это... рецепты, — прошептала она, пробегая глазами. — Но не от болезней тела. «От меланхолии»... «От страха грядущего дня»... «От тоски по утраченному»... Боже, он создавал психотропные соединения. Натуральные. На травах и смолах.

Марк взял одну из ампул. Жидкость внутри казалась черной, но на свет в ней проступали темно-багровые искры.

— «Эликсир забвения», — прочитал он с этикетки.

— Не в буквальном смысле, — быстро сказала Вера, как будто защищая аптекаря. — Скорее, для того, чтобы забыть боль. Унять тревогу. Он пытался лечить душу, когда мир во-

круг летел в пропасть.

Она открыла медальон. Внутри была крошечная фотография. Та же девочка Эльза, но старше, лет десяти. И на обратной стороне, выгравированная: «Meine kleine Els. 10 Mai 1925. Gegen die Stille». «Моя маленькая Эльза. Против тишины».

Тишина в комнате стала иной. Густой, значимой. Они держали в руках не артефакты, а чью-то отчаянную попытку спастись. Спасти дочь от тишины — может быть, тишины после взрывов, тишины страха, тишины утраты.

— Его сейф не для рецептов, — тихо сказал Марк. — Он для надежды. Он спрятал самое ценное — то, что должно было помочь выжить. Не телу. Духу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.